

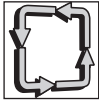

Raison d'être для философии науки

М.О. ШАХОВ

Полемический анализ статьи В.Н. Поруса, представленный читателям В.К. Шохиним, дает мне предлог, чтобы высказать некоторые соображения относительно двух «философий родительного падежа» – философии науки и философии религии.

Не вполне могу согласиться с тезисом В.К. Шохина о том, что «философии родительного падежа суть такие философские регионы, предметности которых не заданы самой философией, но даны ей извне». Философия религии предполагает своим предметом «религию» как некий феномен, объемлющий существующие конкретные религии, относящийся к ним, как родовое понятие к видовым, или, иначе говоря, постулирующий, что в религиях мира объективно существует нечто существенное, общее для них и могущее быть предметом философской рефлексии. Между тем любой теолог (исключая, может быть, модернистов – суперэкуменистов) скажет вам, что существует только одна истинная религия, содержащая неискаженную полноту учения о сверхъестественном и о его отношении с сотворенным миром и человеком. Все остальные религии суть более или менее неполные и искаженные отражения этой полноты истины, поэтому труд философа, стремящегося выявить некие общие присущие им свойства, закономерности эволюции и т.п., по определению бессмыслен. Позитивист или материалист, сознательно игнорирующий вопрос о мере сравнительной истинности религий, может настаивать на объективной данности предмета философии религии. Для представителя иной философской или теологической школы соединение различных религий в общий предмет философствования может показаться не менее странным, чем попытка создавать «философию химии и алхимии», «философию астрономии и астрологии». Поэтому предмет философии религии все же «создается» воззрениями философов рели-

гии. Хотя, конечно, эта оговорка не должна доводиться до абсурда, до утверждения, что религии/религий вовсе не существует как объективной данности. Я хотел лишь подчеркнуть, что в отличие от некоторых других «философий родительного падежа», например от философии права, философ религии формирует (а не только интерпретирует!) свой предмет в соответствии со своими базовыми философско-мировоззренческими установками.

С точки зрения практики представляет интерес тот факт, что в процессе внедрения философии науки в число обязательных дисциплин кандидатского минимума религиоведческие кафедры встали перед проблемой адаптации этой дисциплины к своей проблематике. Предполагалось, что наряду с философией науки «вообще» должна преподаваться философия той конкретной науки, которой занимаются на данной кафедре. В результате на свет появились дисциплины типа философии религиоведения (не религии!), призванной освещать теоретические основания и методологию религиоведческих исследований. Впрочем, всерьез говорить о «философии религиоведения» как самостоятельной научной дисциплине пока нет оснований. Но сама постановка вопроса о дифференциации философии религии и философии науки о религии уже заслуживает внимания.

Кризис, переживаемый философией науки, как мне кажется, в значительной мере есть отражение общего кризиса философии, принявшего специфические черты в постсоветской науке, переходящей от «единственно верного учения» к не совсем понятно чему (если не считать свободу думать и писать о чем угодно конечной целью этого процесса). В советские времена место «науки о наиболее общих законах бытия» было прочно занято, посему в эту систему не вписывалась философия науки. В наше время научное сообщество вовсе утратило единство при ответе на вопрос «а наука ли философия?». Если философия – не наука, то философия науки это уже не поиск объективных закономерностей научного познания мира, а вненаучные рассуждения на темы науки?! Не являясь ни в коей мере сторонником марксистских воззрений, должен, тем не менее, признать, что оборотной стороной отказа от претензий философии быть наукой является то, что философия как нечто, поддающееся точному определению (если хотите, демаркации от «не-философии», от той же теологии), исчезает. Остается только «философствование», рациональный дискурс об общих проблемах бытия и познания. Определенную жизнеспособность, оправданную не в последнюю очередь практическими соображениями, в рамках данной парадигмы сохраняет лишь методология науки (методология конкретных наук и метанаучная методология науки) – по причине ее рационалистической основы. В отношении же философии в целом, включая философию науки, возникает правомерный (в рамках данной же релятивистской парадигмы) вопрос – на каком основании философствование должно быть *рацио-*

нальным дискурсом? Не имея четкого ответа на этот вопрос, мы, увы, окончательно стираем грань между философией и мистикой.

Конечно, всеобщий возврат к объективному реализму в виде ли марксизма, в виде ли объективного идеализма, в том числе теологического, не представляется возможным. Единственным путем сохранения *raison d'être* философии науки мне представляется сохранение ее традиционных, перечисленных В.К. Шохиним четырех предметностей: «единство научной картины мира, предпосылки научного знания, язык науки и конструирование общей теории науки». Если в современных условиях отсутствия универсального ответа на вопрос «что есть философия?» нет возможности рационально доказать, почему надо сохранить именно эти четыре предметности, здравый смысл подсказывает, что надо утвердить их хотя бы в качестве конвенционального соглашения философов науки.